

Портрет И.В. Сталина. 1934 г.

Из книги «И. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП (б). 26 января 1934 г.». б). Партиздат ЦК ВКП (б). 1935.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРАВОСЛАВНОМ СТАЛИНИЗМЕ

Н.Д. Егоров (к.и.н.)

Этот феномен до недавнего времени просто пытались игнорировать, как могли. Однако это явление приобретает все более массовый характер и теперь уже его невозможно не замечать. Теперь даже духовенство отмечает, что «в Церкви действительно есть лица, считающие себя сторонниками Сталина».

Более того, православные сталинисты не просто верующие коммунисты. Как известно, нынешняя программа КПРФ допускает членство в партии верующих людей, и в ее рядах немало православных, в том числе даже председатель ее Центрального Комитета Г.А. Зюганов. Наоборот, среди

православных коммунистов немало людей, не состоявших никогда не только в КПСС, но даже в комсомоле. Это же подтверждает и один уважаемый священник: «Самое характерное в православных сталинистах, что они не коммунисты».

Одним словом, как пишет тот же священник, «православный сталинизм – довольно любопытный феномен».

Проще всего появление православного сталинизма объяснить общим абсурдом, переполняющим современный мир. Логика подобных размышлений проста: слабеющая вера в Бога, отсутствие полноценного духовного образования, неглубокая духовная жизнь приводит к утрате системы отчета, по которой мы распознаем добро и зло, в результате некоторые православные христиане пытаются совместить несовместимое.

Примеры этому видны на каждом шагу.

Православные борются против электронного концлагеря и тут же активно голосуют за его создателей.

Маститый владыка перед собранием чекистов публично заявляет, что он гордится сотрудничеством с ними. И это сказано после тех невыносимых гонений, которые перенесла Церковь в XX веке и в которых эти самые чекисты играли первейшую роль. История тут ничему не научила и грозит «повторительным курсом».

Доходит до анекдота. Как то при выходе из метро автору данных строк вручили листовку неизвестного дотеле движения «За Русь Святую, за Путина!» Хорошо еще, что слова про Святую Русь стояли на первом месте.

И вот абсурд современного мира вызывает абсурдные решения. Кто-то переходит в ислам и взрывает себя в переполненном транспорте, кто-то

пытается спрятаться от мира в лесной глуши, а кто-то видит решение всех вопросов в попытке соединения сталинизма и православия.

Примеры можно множить до бесконечности. На их фоне православный сталинизм просто теряется и уже не кажется чем-то необычным.

Однако вряд ли это объяснение кому-нибудь покажется удовлетворительным. Прежде всего потому, что из всех, подобных перечисленным, абсурдных ситуаций, только православный сталинизм вызывает резкое неприятие части духовенства и тех, кого традиционно называют «князьями Церкви». И подобное резкое неприятие однозначно свидетельствует о том, что православный сталинизм и его категорическое непризнание – явление не религиозное, а политическое.

Можно попытаться объяснить феномен православного сталинизма ностальгией пожилых людей по великому прошлому нашей страны. Нельзя не согласиться с мнением, что «среди них много людей старшего поколения, помнящих нашу страну великой державой». Но еще больше среди православных сталинистов людей среднего возраста и особенно молодежи.

Более того, люди старшего поколения, которых традиционно зачисляли в разряд сталинистов, относятся к временам своей молодости достаточно критично. Даже, если восхваляют их. У них нет, как правило, слепого преклонения перед образом вождя. Они хорошо помнят не только достижения тех лет, но и аресты, тюрьмы, голод, войну. Охотно вспоминают политические анекдоты тех лет, частушки, пословицы и поговорки. Не будет ошибкой назвать подобное восприятие «критическим сталинизмом».

Восторженные почитатели сталинизма относятся, как правило, к молодому поколению. «Лица среднего и молодого поколений», пишет тот же священник, «недовольны беспорядками в государстве, отсутствием у власти политической воли и нравственных устоев». Открытой продажностью на

всех уровнях, немыслимой коррупцией, непрозрачностью политической жизни, которая напоминает футбольную игру в одни ворота, добавим мы. Причем, это не просто недовольство властью (хотя многие воспринимают ее как нечто неизбежное и пытаются приспособиться), многих все перечисленное, говоря современным новоязом, просто достало и они хотят от такой жизни избавиться.

Как писал блестящий американский писатель Ф.С. Фицджеральд, говоря о схожей ситуации в родной стране, «что власть и деньги очутились теперь в руках людей, по сравнению с которыми председатель сельского совета у большевиков в глухой сибирской деревне выглядел просто светочем культуры» (Ф. Скотт Фицджеральд. Отзвуки века джаза).

Сразу же нужно оговориться, речь идет не о достижения материального благополучия. Сталинизм и бытовая обеспеченность – вещи далекие. Более того, недавний опрос общественного мнения показал, что большинство людей связывают бытовую устроенность совсем с другими именами. На вопрос, при каком правителе в XX веке жилось лучше всего, более половины респондентов (52 процента) назвали имя Брежнева, которой далеко обогнал и Сталина, и Ленина, и Хрущева и даже Николая II.

Появление Сталина на исторической сцене было неизбежным и закономерным, как и вся революция 1917 года. «...Революция произошла потому, что царское правительство совершило немало ошибок, которые подготовили революцию. Так за двести лет империи оно не сумело (да и не хотело) создать полноценную систему народного образования для всех». И это только одна, далеко не самая главная, из многих причин.

Всю историю последних ста лет можно свести к нескольким стихам из Библии. Люди были недовольны добрым правителем, и Господь послал им правителя злого и жестокого: *И предам Египтян в руки властителя*

жестокого, и свирепый царь будет господствовать над ними, говорит Господь, Господь Саваоф (Ис. 19:4).

А потом пришел *народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями (Ав. 1:6).* И власть попала в руки человека жестокого, который брал, что не клал, и собирал, где не рассыпал (См.: Мф. 25:24; Лк. 19:21–22). О том, какие правители станут во главе страны, говорили многие подвижники благочестия. «Сталин и иже с ним были те самые «кровавые правители», о которых предупреждали св. Иоанн Кронштадтский, св. митрополит Макарий (Невский) и другие праведники перед революцией», – пишет современный священник.

Православный сталинизм не чисто российский феномен. Сочетать глубокую веру в Бога и идеалы социальной справедливости пытались практически во всех странах. Причем иной раз это явление приобретало анекдотический характер. Достаточно вспомнить цикл юмористических повестей итальянского писателя-католика Дж. Гуарески (1908–1968) о доне Камилло, хорошо известном россиянам по одноименному сериалу, где роль этого приходского священника играл бесподобный актер Фернандель. Напомним, действие происходит после второй мировой войны в небольшом, затерянном в горах городке, населенном в основном благочестивыми христианами, которые при этом дружно голосуют за компартию. Лидер местных коммунистов Пеппоне, свято верящий в идеалы марксизма-ленинизма, и священник дон Камилло, сверяющий все свои поступки со словами Спасителя, борются за души людей, а люди совершенно спокойно живут, совмещая в своих душах несовместимое. Так что в сочетании коммунизма и религии нет ничего необычного.

Скорее, удивляет другое: почему именно православный сталинизм? Почему именно имя этого, безусловно, крупнейшего деятеля коммунистического движения стало сочетаться с Православием, и сочетаться достаточно органически.

Ведь не говорим же мы: православный ленинизм? Или же православный хрущевизм или брежневизм? Думается, подобные словосочетания даже у заядлых марксистов-ленинцев ничего кроме смеха не вызовут. Трудно представить и православный горбачевизм, хотя именно при этом генеральном секретаре произошел резкий поворот в отношениях государства и церкви, и православие начало обретать свободу.

Точно также откровенно нелепо выглядит термин православный троцкизм, хотя Лев Давидович искренно любил поспорить на религиозные темы, начиная со времени отсидки в одесской тюрьме, где он постоянно дискутировал по поводу веры с одним из надзирателей, и кончая послереволюционным периодом, когда в числе его собеседников был даже такой великий ум как протоиерей Павел Флоренский.

Дело, безусловно, не в благозвучии термина, а в самой фигуре Сталина.

«Сталин был, без сомнения, ярко одаренной личностью. Благодаря своей исключительной одаренности он справился с другими претендентами на высшую власть... Поскольку во всем есть Промысел Божий, то можно думать, что эти другие были бы еще страшнее, чем он. Зло – это бездна. Господь послал нам, по-видимому, меньшее из зол...»

С этим мнением духовного лица трудно не согласиться. Страшно даже подумать, что было бы со страной, укрепись у власти тот же Троцкий, Зиновьев с Каменевым или Бухарин, с их патологической русофобией, маниакальной верой во всемирную революцию, готовностью принести в ее жертву неограниченное число жизней, отрицанием традиционных ценностей

вроде любви к родине, к близким, семье, брака и т.д. В какие революционные авантюры была бы тогда втянута страна? Какой был бы итог второй мировой войны?

Даже отзывы противников Сталина свидетельствуют о нем как о человеке незаурядном. «России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе ее оказался такой жесткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямой в действиях и даже грубый в своих высказываниях... Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, и особенно для больших людей и великих народов», – так характеризовал его в британском парламенте премьер-министр Черчилль по итогам визита в Москву в августе 1942 года.

А чего стоит другая фраза, также обычно приписываемая британскому премьеру: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».¹

Практически не было людей, которые характеризовали бы Сталина только с плохой стороны.²

Безусловно, правы те, кто пишет, что «мечты о Сталине выражают достаточно широкое недовольство бессилием властей в устройстве государства». Но «широкого недовольства» мало для того, чтобы стать личным примером, знаменем для этих недовольных. Сталин обладал столь ценными на Руси свойствами: личной скромностью, доходящей до

---

¹ Современные исследователи считают, что фраза: «He had found Russia working with wooden ploughs and is leaving her equipped with atomic piles» впервые появилась в статье газеты Manchester Guardian, 6 марта 1953 г., по поводу смерти Сталина, но отсутствие несомненного приоритета в авторстве У. Черчилля тем не менее не ослабляет смысла афоризма.

² Одним из немногих исключений был американский артист русского происхождения Юл Бриннер. «Холливуд, 10 июля. – Известный актер кино-театра Юл Бриннер, игравший неоднократно и с большим успехом роли разных тиранов, категорически отказался играть Сталина в предполагаемом к постановке фильме «Грешная жизнь Сталина». Бриннер сказал: «Я бы не дотронулся до этой роли даже резиновой перчаткой, надетой на десятифутовую палку. Даже больше – я и слышать не хочу об этом предложении. Когда я играл тиранов, в каждом из них мне удавалось, после долгих, может быть, студий, найти что-то позитивное, человечески понятное и симпатичное. В Сталине нет ничего, что могло бы хоть на секунду оправдать даже факт его рождения», – писала в 50-е годы одна из русских эмигрантских газет.

аскетизма и бескорыстием. Не случайно, один из подвижников нашего времени называл аскетизм «основой русской культуры». А скромность в быту и бескорыстие Сталина, кажется, еще никто не отрицал:

«...Глава государства жил скромно, на своей небольшой даче, не пользовался дорогими предметами, одевался просто, по-военному, а, когда была необходимость, спал на обычной деревянной лавке. После него не осталось ни счетов в банках, ни вилл. Даже часы у него были за 3 рубля. Нельзя не отметить и мощную социальную и идеологическую пропаганду среди населения. Да, Сталин не победил коррупцию, но он смог ее локализовать до минимально приемлемых для общества размеров, когда подавляющее большинство чиновников работают честно и люди могут рассчитывать на государственные услуги и защиту всего лишь потому, что они – граждане Советского Союза». Это пишет не апологет Сталина, а православный священник, искренний противник сталинизма, как в православном, так и в светском вариантах.

«Нельзя не отрицать, – пишет тот же священник, – что Сталин во все годы своей власти творил невиданное насилие», но при этом «режим Сталина был жестоким, но он не был античеловечным».

Сталин не «добрый царь», а «царь-герой», военный вождь, полководец, верховный главнокомандующий. Такие люди всегда были востребованы на Руси. Не он первый, не он последний. Сколько у нас было их, которые мечтали стать, если не «Суворовскими чудо-богатырями», то «полководцами, Скобелеву равными». И песни: «Сталин – наша слава боевая...» или: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», может, не самые талантливые произведения искусства, совершенно справедливо заняли свое место в ряду песен о Петре Великом, Суворове, Кутузове, том же Скобелеве и даже о белом генерале Витковском («Чей черный форт вперед летит...»), написанной будущим настоятелем Елецкого собора архимандритом

Исаакием (Виноградовым), в то время – бравым капитаном-дроздовцем.

Позднее, на этот мотив запели: «Наш паровоз, вперед лети...»

Конечно, было немало откровенных подхалимов, особенно в среде творческой интеллигенции. Никто не тянул за язык писателя Авдеенко, когда он на съезде своих товарищей по перу произнес: «Когда моя любимая девушка родит мне ребенка, первое слово, которому я его научу, будет – Сталин». О таких, как он, писал генерал Деникин: «Русский писатель, достигший предельных высот словесного блуда...» А далее пошли: «Сталин – гений всех времен и народов», «Сталин – корифей всех наук» и даже: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». И писали не просто серые посредственности, а те, кого теперь называют совестью нации: Мандельштам, Пастернак, Ахматова, список можно продолжать еще долго.... Во всяком случае, Сталин не выглядит смешным даже на фоне такого захлебывающегося славословия...

Безусловно, культ личности Сталина существовал. Но его истинным создателем и движущей силой был не сам «вождь народов», а представители образованного общества, интеллигенция, прежде всего творческая, которая в своем словоблудии как обычно превзошла все мыслимые границы.

За последующие годы мало что изменилось. Творческая интеллигенция осталась верной самой себе и славилась в стихах, музыке и красках всех последующих правителей, имя которым легион. Нынешний глава государства позиционирует себя то подводником, то летчиком, то трактористом-комбайнером. Комментарии, как говорится, излишни...

С чем только невозможно согласиться, что культ Сталина, «имел явные признаки человекобожия». При всем заискивании и подхалимаже, который иногда действительно достигал заоблачных высот, при всем желании ничего сверхъестественного в облике вождя обнаружить не удастся и вряд ли когда удастся.

Особенно человеческие черты вождя проступают при сравнении Сталина с Гитлером. «Мы привыкли сопоставлять этих деятелей на уровне публицистики, но все же они – разные», – пишет все тот же уважаемый священник. Даже не на уровне публицистики, отметим мы, а на уровне каких-то чисто внешних черт, как наличие усов, любовь к сапогам и полувоенной форме. Однако при более глубоком анализе различия становились все заметнее.

«Гитлер был настоящим язычником... – это тоже слова духовного лица. – У Сталина и его большевиков этого не было. Они отрицали всякий религиозный культ и основывали свою власть в большей степени на стихийном материализме, к тому времени уже распространившемуся по всей России»

Далее: «Гитлер развивал расистскую теорию, то есть делил людей и целые народы на высших и низших. Всякое подобное деление народов античеловечно. Коммунисты ограничиваются рамками «классовой борьбы» под лозунгом «справедливости»...» Сталина, при всем желании, ни в чем подобном упрекнуть нельзя.

Как результат, как итог античеловеческой деятельности, Гитлер покончил жизнь самоубийством. Для бесноватого фюрера третьего рейха это было естественным концом. Но для православного христианина это смертный грех. Хотя митрополит Сергей (Воскресенский) в годы Великой Отечественной войны вещал по немецкому радио и писал в газетах, издававшихся на оккупированной территории: «Сталин не Савл и Павлом никогда не станет» (а покойный владыка имел богатый опыт общения с «компетентными органами»), все-таки нам ближе другая, то же священническая точка зрения: «В отличие от Гитлера Сталин все же имел некую христианскую основу».

В этой связи интересно рассмотреть отношение Сталина к Церкви. Вопрос достаточно сложный хотя бы потому, что не осталось ни одной атеистической или антицерковной работы Сталина. Отдельные его

высказывания по поводу церкви разбросаны по разным статьям. Известный антирелигиозник И. Кривелев отмечал, что «в работе „О диалектическом и историческом материализме“, без оснований претендовавшей на место в ряду классических произведений марксистской философии, Сталин вообще „забыл“ о существовании религии и о необходимости борьбы с ней». Правда, сказано это было во времена Хрущева, в период борьбы с «культом личности» и в разгар очередной оголтелой антирелигиозной кампании. Историк Р.А. Медведев приводит даже высказывание Сталина об антирелигиозной литературе как о «макулатуре».

Из дошедших до нас работ Сталина, его высказываний и документов видно, что его отношение к религии носило преимущественно прагматический характер. Точно также вопросы репрессии духовенства имели для него чисто политическое значение, речь шла не о борьбе с религией, а прежде всего, о борьбе с инакомыслием, с политической силой, в которой многие справедливо видели единственную реальную оппозицию существующему режиму. В нем не чувствовалось того оголтелого богоборчества, свойственного большинству «пламенных революционеров» ленинской гвардии.

Так со ссылкой на решения XII съезда РКП(б), Сталин издал 16 августа 1923 года циркулярное письмо всем губернским комитетам РКП(б) № 30 «*Об отношении к религиозным организациям*» с требованием запретить закрытие церквей «*по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации*», а также за неуплату налогов, аресты «*религиозного характера*», если они не имеют связи с контрреволюционными деяниями. В циркуляре имели место предостережения от гонений на верующих, поскольку «*гонения только укрепляют религиозные предрассудки*».

О чисто политической целесообразности свидетельствуют, наверное, самые резкие заявления Сталина в отношении духовенства, помещенные в «Беседе с первой американской рабочей делегацией» (1927 г.): «*Подавили ли мы*

реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано...»³ Конечно, священникам и верующим мирянам было глубоко безразлично, за что их расстреливают или сажают, но для понимания характера человека это все-таки важно.

Характерно, что в том же году в США появились статьи о «примирении» с «православной церковью», о якобы секретном докладе Сталина «Использование церкви для поддержки Советов». И хотя официальные советские органы опровергли эти сообщения, все же их появление нельзя назвать случайностью.

«Люди обладают свойством изменять свою точку зрения», и вот уже 12 декабря 1930 года в письме поэту Демьяну Бедному Сталин подверг критике его уничижительные высказывания о русском народе. Сталин обращал внимание на то, что Бедный фактически изображает Россию как «сосуд мерзости и запустения», представляет «лень и стремление сидеть на печке, как национальную черту русских». Сталин назвал подобные высказывания Демьяна Бедного «клеветой на наш народ».

И вот уже на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1933 года принимается решение:

«В период с 20–30 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества.

---

³ Сталин И.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 132.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции обязаны принимать меры вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

Секретарь ЦК И. Сталин».

А вскоре, 15 мая 1934 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимает Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», что еще недавно казалось немыслимым.

14 ноября 1936 года постановлением Комитета по делам искусств при СНК СССР была запрещена пьеса Демьяна Бедного «Богатыри», поставленная в московском Камерном театре режиссером А. Таировым. В пьесе былинные богатыри выступали в роли жандармской охранки; Владимир Святой к концу спектакля принимал образ царя-держиморды. Безусловно, эта пьеса была запрещена за глумление над Крещением Руси и по указанию Сталина.

Самый неожиданный и важный для судеб РПЦ документ за подписью И.В. Сталина был принят на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года (протокол № 98):

«В отношении к религии, служителям Русской Православной Церкви и православно верующим ЦК постановляет:

- 1) Признать нецелесообразным впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследование верующих.
- 2) Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 "О борьбе с попами и религией", адресованных председателю ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной Церкви и православно верующих, – отменить.
- 3) НКВД произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанных с богослужительской деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по

указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4) Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно».

Этот документ, равно как и упоминаемый в нем ленинский документ 1919 года настолько мало привлекал внимание историков, что о нем следует сказать подробнее. Согласно ленинскому документу и отданному на его основании Приказа ВЧК органы ВЧК получали **право расстрела** любого представителя **духовенства без суда и следствия**.

Сталинский документ, созданный буквально в дни жесточайшего террора, унесшего в том числе и жизни многих православных священнослужителей и мирян, причем некоторые представители духовенства были расстреляны с ведома Сталина и с его санкции, на первый взгляд кажется удивительным и нелогичным для своего времени. Но как всякий исторический факт он требует своего объяснения.

Во-первых, нисколько не снимая ответственности со Сталина за массовые репрессии, мы все более и более убеждаемся, что инициатива в этой области лежит, прежде всего, на совести так называемой ленинской гвардии, заправлявшей еще в то время во всех высших органах власти. Заправляла ленинская гвардия и в органах НКВД, достаточно вспомнить имена Кедрова, Артузова (Фраучи) и многих других... Заслуга Сталина как раз в том, что он перенаправил волну этих репрессий с бывших контрреволюционеров на своих товарищей по партии.

Во-вторых, в условиях надвигающейся мировой войны эти репрессии несли реальную угрозу обороноспособности страны. И при первой возможности Сталин постарался свести эту волну на нет. И это касалось не только духовенства, но и вооруженных сил, ученых, специалистов различных отраслей народного хозяйства...

Наконец, надо быть справедливым и признать, что Сталин тоже был не без греха. Возможно, сыграла роль его мнительность, личные антипатии, наконец, просто выбитые признания, которым он доверял...

Сейчас появилось множество публикаций о прибегании Сталина к молитвенной помощи Церкви во время Великой Отечественной войны, о молебнах в Москве, Ленинграде, Сталинграде, о воздушных крестных ходах с чудотворными иконами Божией Матери вокруг этих городов. Однако в основном ссылки идут на свидетельства очевидцев и сейчас уже трудно сказать, что является правдой, а что благочестивым вымыслом.

Есть и другие широко известные свидетельства, например, маршала Василевского, других генералов, об отношении Сталина к духовенству. Этот вопрос настолько сложный, что в рамках данной статьи его нельзя осветить даже поверхностно, но, безусловно, невиданный духовный и религиозный подъем коснулся и высшего военного руководства. Не случайно, и это свидетельствует кинохроника, руководство Русской Православной Церкви оказалось в числе почетных гостей на параде Победы в Москве 24 июня 1945 года.

Недаром в одном из лучших фильмов о Великой Отечественной «На войне как на войне» (1968 г.) командир танкового полка полковник Дей (актер М.А. Глузский) начинает атаку словами: «С Богом!» Услышать такое после очередных антицерковных гонений, в разгар воинствующего атеизма было необычным делом. Но историческая правда оказалась сильнее.

Из отношения Сталина к Церкви возникает вопрос о личной благочестивости Сталина.

«Сталин происходил из бедной семьи, у него была глубоко верующая мать, которая хотела видеть его священником. Он окончил четыре класса семинарии... Отметим, что четырьмя классами семинарии (всего

семинарский курс обучения продолжался шесть лет) обычно ограничивались те учащиеся, которые в дальнейшем избирали светский род деятельности. Это было обычной практикой».

Это мнение современного священника. Однако это еще не доказательство того, что Сталин оставался верующим человеком. Но имеются свидетельства близких ему людей.

По словам Артема Сергеева, воспитывавшегося в доме Сталина, Сталин оставался тайно верующим человеком. По воспоминаниям телохранителя Сталина Юрия Соловьева, Сталин молился в церкви в Кремле, которая находилась по пути в кинозал. Сам Юрий Соловьев оставался вне церкви, но мог видеть Сталина через окно. По свидетельству внука Сталина А.В. Бурдонского, Сталин исповедовался. «Священника трясли при Хрущеве со страшной силой, но он ничего не сказал», – утверждает Бурдонский. В некоторых источниках называется и имя священнослужителя, исповедовавшего Сталина, – митрополит Николай (Ярушевич). В печати приводится свидетельство бывшего секретаря Боржомского райкома партии Д.Н. Ломошвили, который сообщил о разговоре Сталина с матерью, в котором он по ее требованию поклялся в том, что «не убивал царя», и перекрестился.

Одно из последних высказываний на эту тему принадлежит протоиереев Сергею Голубцову. В работе «Церковная Московия в 1935–1965 годах» он пишет:

«По словам покойного ныне журналиста-международника Анатолия Сергеевича Гаранина (часто посещавшего Пименовский храм в 1970–1980 годах), трижды встречавшегося со Сталиным, отношение его оставалось якобы даже благожелательным, и что, поживи Сталин еще года два-три, Рождество и Пасха были бы объявлены праздничными днями.

Смерть Сталина стала поворотной вехой в жизни государства и Церкви. С одной стороны, последовало возвращение из тюрем и ссылок многих

епископов и клириков, а с другой, усилилась позиция атеистов в ЦК КПСС. Так, уже 7 июля 1954 года по инициативе Н. С. Хрущева было подготовлено постановление ЦК КПСС "О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения", которое, как и ряд подобных последующих постановлений, ознаменовало наступление на религию и на Церковь».

Тот же протоиерей Сергей Голубцов отмечает:

«Интересующий многих вопрос о том, что побудило Сталина пойти навстречу Церкви, до войны жестоко гонимой, коренится, очевидно, в пересмотре им основных политических, а может быть, и мировоззренческих установок. Приводимые... соображения о необходимости Сталину иметь "выигрышную позицию" при приеме английской делегации во главе с Хьюлеттом Джонсоном⁴ могло только ускорить исполнение намерения Сталина возродить Русскую Церковь, а не породить это намерение. Следует также помнить, что Сталин был когда-то неплохим семинаристом и кое-что, очевидно, сохранил в своей душе...»

А вот несколько высказываний духовных лиц в связи со смертью вождя:

«Кончина его является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов, населяющих его. Его кончину с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

---

⁴ Британский религиозный и общественный деятель, доктор теологии, являлся одновременно служителем церкви (настоятель Кентерберийского собора) и марксистом, считал совмещение своих политических и религиозных убеждений естественным, так как у «капитализма отсутствуют моральные основы», а «истинному христианству», по его мнению, соответствовал бы мир, в котором главную роль играла бы не погоня за прибылью, а забота об общественной пользе, говорил, что «истинный христианин не может быть врагом коммунизма, – напротив, между христианством и коммунизмом имеется много точек соприкосновения». В годы второй мировой войны выступал за скорейшее открытие второго фронта в Европе, был одним из инициаторов сбора средств в фонд помощи СССР. Считается, что Джонсон был в числе религиозных деятелей, убедивших И.В. Сталина в необходимости нормализации отношений с Московской патриархией.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших. С особым чувством неперестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную память».

Алексий (Симанский), Патриарх Московский и всея Руси.

«Маршал Сталин является одним из величайших людей нашей эпохи, питает доверие к Церкви и благосклонно к ней относится...»

Патриарх Александрийский Христофор (Даниилидис).

«Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину».

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причисленный ныне к лику святых.

А вот точка зрения младшего современника Сталина, сидевшего за веру и при Сталине и при Брежнев, покойного протоиерея Димитрия Дудко:

«Представить нужно, какую борьбу провел этот человек, чтоб, "построив социализм в одной стране", возвысить Россию в огромную державу, которая победила фашизм, а теперь после смерти Сталина лежит в развалинах.

Не сразу Сталин осознавался как русский гений, не случайно он обладал скромностью и бессребреничеством, нравственными устоями. Нам, православным людям, испытавшим гонение за веру, нужно забыть обиду, как и подобает христианам, и с должным вниманием и любовью посмотреть на все.

Скажу о себе. Я тоже не понимал Сталина как следует и в своих юношеских стихах писал: *"И вы мне кажетесь палач, их погубивший, самый первый"*, теперь я готов посмертно попросить у него прощение. Нет, он не был палач, он многим спас жизнь, таким, как Шолохов, его уже должны были убить, и только своевременное вмешательство Сталина спасло его. Также и Булгакова он спас, может быть тоже от смерти, да и Пастернака и других. Этот список может быть длинным, впоследствии беспристрастным историкам надо разобраться в этом. *И я, сидевший при Сталине и Брежнев, как и владыка Лука, готов воскликнуть: "Сталин – богодарованный вождь России"*.

И скажу более, он был верующим, по-православному, может быть, в какое-то время он и терял веру, но потом во всех борениях укрепился в ней, и не случайно во время войны он к людям обратился, как обращаются священнослужители: *"Дорогие братья и сестры"*. Не случайно ему и в Церкви провозгласили *"Вечную память"*. С него началось и то, что последующих генсеков отпевали в Церкви. И в силу того, что он был православный (учился в духовной семинарии), грузин стал русским. По выражению Достоевского, *"православный – значит русский"*.

Наследие Сталина надо изучать и изучать, чтоб лучше понять, как нам уберечь Россию. Враги наши это раньше нас понимают, и потому они льют на него такую грязь, чтоб из-за нее мы не видели, кто он такой.

...Какая армия сектантов, вплоть до сатанинских, спущена на нашу страну. Это страшнее всякого безбожия. Хотя в безбожии Сталина обвинять не следует. Впрочем, от безбожия люди приходят к вере. Как покойный Солоухин любил повторять: вера – это гвоздь. Чем больше по нему бьют, тем глубже входит. Сектантство не гвоздь, мошकारа, которая все залепляет и кусается страшно. Отбиваешься-отбиваешься от их укусов, и – дай Бог не ослабеть.

Я не политик, не ученый, я, если хотите, писатель-священник, и больше по интуиции почувствовал все это.

Я хочу пойти еще дальше. Коммунизм, придерживающийся материалистической доктрины, в России приобретает другое значение, и нам не нужно сбрасывать его со счетов, не случайно теперь коммунист может быть верующим человеком, и в первую очередь должен быть патриотом своей страны. Как и сказано у Апостола: кто не печется о своих, хуже неверного (См.: 1 Тим. 5:8). Да и само отношение к благам земным у коммунистов христианское: блага должны принадлежать всем. Когда они принадлежат одному кому-то, это страшно. Вот к ним и направлены слова апостола Иакова: *Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях*

ваших находящихся (на вас). Богатство ваше сгнило и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас, и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни (Иак. 5:1–3).

Коммунизм как история в России останется, это наша русская история. В созидании богоносной страны, Святой Руси он будет играть не последнюю роль. Сталин сыграл в этом первую роль. Не случайно Сталин, по свидетельству Солоухина, в последние пять лет подписывался – не генсек, а просто И. Сталин.

Современных коммунистов мы тоже должны понять, как близких нам, верующим.

Мне больно слышать, как некоторые священники (притом не испытавшие гонения) пылают к ним ненавистью. Считаю ревность их не по разуму и не христианской. Христианин должен быть сострадательным к заблудшим и к своим врагам, особенно если считает их таковыми, относиться с любовью.

Желаю процветания нашей матушке России, с нами Бог. Оттого и безбожие у нас служит большему выявлению нашей веры»⁵.

Добавить тут больше нечего.

Из слов отца Димитрия вполне становится понятно, почему «в концепции православных сталинистов есть определенные эсхатологические элементы учения Церкви», перевернуты они наоборот или не перевернуты, это уже личное дело смотрящего, как смотреть. «Православный царь должен противостоять антихристу», а если Царя нет, то уж лучше пусть Сталин противостоит, чем совсем никто.

Но почему же тогда, после Великой Отечественной войны, когда «многие ожидали дальнейших шагов к духовному возрождению» (впрочем, как и

---

⁵ Наш современник. 1999. № 12. С. 223–224

много других преобразований в жизни общества), этого возрождения не произошло?

Боюсь, что Сталин тут был не причем.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала понять: насколько в те годы вообще могло быть религиозное возрождение?

Великая Отечественная война показала небывалый подъем духа, веры, религиозного чувства, но она одновременно показала и границы, которого этот подъем достиг. Он был необыкновенно сильным, но не всеобщим, и как любой подъем человеческого духа не мог продолжаться вечно. Яркая вспышка сменилась горением, которое постепенно начало затухать.

Война окончилась, мертвые были похоронены, а живые вернулись к своим повседневным делам. Нужно было работать ради хлеба насущного, и веру в Бога вновь все более стала заслонять вера в светлое будущее. По-человечески это можно понять, когда люди мечтали о еде без карточек, о самых необходимых вещах, о жилье... И решение всех жизненных проблем люди все более видели в науке.

Действительно, послевоенный подъем научных и технических знаний не имел себе равных. Именно в те годы были заложены основы изучения космоса, мирного и военного атома, электроники и многих других отраслей науки. Но вера во всемогущество науки имело и другую сторону. Научные и практические знания становились как бы второй религией, и в этом знании не было места Богу.

Сейчас мы узнаем, что многие ученые, деятели культуры, военные, организаторы и производства и даже государственные деятели того времени были верующими людьми. Однако они тщательно скрывали свою веру. И дело было, вероятно, не только в страхе репрессий. Еще большим был страх показаться обскурантом и ретроградом в глазах своих «более просвещенных» коллег, далеких от православия и по происхождению и по воспитанию.

Верующие наверняка чувствовали, что их просто не поймут, что они станут посмешищем.

Нужен был еще долгий путь до понимания того, что наука сама по себе не может решить ни одну из «вечных» проблем, прежде всего в области нравственной, объяснить смысл жизни и смерти, придать нашему существованию какую-то цель.

Церковь при Сталине получила как раз то место, что она занимала в жизни людей. Оно определялось даже визуально...

Тихий арбатский или замоскворецкий переулок. Скромный храм за высокой железной решеткой, спрятанный между высокими доходными домами или старенькими особнячками. Среди посетителей преобладают интеллигентного вида старушки, как тогда говорили, «из бывших», или женщины среднего возраста. Мужчин, даже пожилых, очень мало...

Улочка на окраине Москвы, еще мощеная булыжником, с гремящими трамваями. Старинное, заросшее зеленью кладбище, где под раскидистыми кронами деревьев также прячется небольшой храм. Здесь публика попроще: работники местных заводов, родственники покойных, еще не отошедшие от горя, школьники, прогуливающие уроки...

Сельский храм, в глухой деревне, вдали от дорог и от начальства...

По большим праздникам в храмах, правда, яблоку негде упасть, а в остальные дни пусто и тихо.

А где-то совсем рядом широкие проспекты с домами-новостройками, оживленная толпа вливается в магазины и кинотеатры...

И эти два мира не пересекались.

И Сталин в этом не был виноват. Объяви он сам себя верующим человеком, вряд ли бы что изменилось. Время возрождения еще не наступило.

Не наступило оно, впрочем, и сейчас. И то, что мы видим, это даже не рассвет, а просто посветлевшее небо на востоке. И каким будет день, мы не знаем и не можем знать.

И последнее. Сталин, обладая исключительной властью, хорошо понимал духовные границы этой власти. Понимал, что можно делать, а что нельзя ни в коем случае. Этого чувства, кстати, лишено большинство современных правителей, и отечественных и зарубежных.

Он понимал, что можно казнить, можно помиловать, но что нельзя из повседневной жизни делать концлагерь.

Он понимал, к примеру, что человек, у которого репрессированы все родные и близкие, в случае опасности все равно пойдет защищать свою Родину. Но человек, которого государство превращает в вещь, присваивая ему идентификационный номер (как его не назови: ИНН, СНИЛС или еще как), такое государство никогда защищать не будет. И поэтому подобное деяние становится тягчайшим преступлением против человечности. Вроде бы ерунда на фоне войны, фабрик смертей, абжуров из человеческой кожи, но идентификационные номера становятся одним из обвинений на Нюрнбергском процессе.

Поэтому при Сталине летать на самолете можно было без паспорта, и ездить на поезде тоже можно было без паспорта, и распоряжаться своими деньгами в Сберкассе тоже можно было без паспорта, и охотничье ружье можно было купить свободно.

«Кровавому тирану» даже в голову не пришло усматривать досмотр при входе в театр, кино, магазин или на транспорте, хотя угроза терактов, особенно в годы войны, была велика.

И поэтому повседневная жизнь при Сталине была легче, чем нынешняя «свобода», и поэтому люди старшего поколения никак не могут привыкнуть к нынешнему бытовому «концлагкрю».

Впрочем, это уже тема другого разговора.

И опять мы возвращаемся к вопросу, почему православный сталинизм вызывает такое ожесточенное неприятие, особенно в среде православных братьев. Вроде бы еще Поместный собор 1917–1918 гг. определил, что политические убеждения отдельных верующих не могут быть предметом церковного обсуждения или прещения. Среди верующих были и сторонники патриаршества, и противники его, и монархисты, и республиканцы, и демократы, и представители самых разнообразных политических течений. Однако даже самоствяты-самостийники не вызывали такого неприятия, как православные сталинисты.

Когда о своей неприязни к Сталину говорят люди старшего поколения, пострадавшие сами в те времена, или чьи родные и близкие стали жертвами репрессий, это вполне понятно. Боль от жестокости и несправедливости будет мучить до последних дней.

Но какие причины неприятия православного сталинизма теми, кто родился уже после смерти Сталина?

Как пишет один современный провинциальный священник: «По-человечески понять тех, кто понес наказание за настоящую или мнимую вину, живя в то время, можно. Такие люди, за редким исключением, до конца жизни будут проклинать Сталина и все, что с ним связано, плохое или хорошее. Трудно понять тех, кто при Сталине поднялся на вершину власти и почета, получив мыслимые и немыслимые привилегии, и награды. Особенно досадно, что участие в «развенчании культа личности» принимали военачальники, которые лучше других знали истинную цену этому человеку...»

На наш взгляд, они вполне прагматические. Нынешняя власть всячески заинтересована в очернении своих предшественников, на которых вполне можно списать все нынешние трудности. И православный сталинизм для этого прекрасно подходит.

Гонения на Церковь породили целую небесную армию мучеников и исповедников. Для власти (как эту власть не называй, коммунистической или

демократической) безусловно стало ясно, что силой сломить верующих людей невозможно. Но страшнее открытых гонений стало испытание властью, богатством, житейскими почестями.

Еще в самом начале гонений, вскоре после опубликования Декрета об отделении церкви от государства советская газета «Известия» писала: «Пусть Совет народных комиссаров хоть тысячу раз отделяет Церковь от государства и только в два раза увеличит казенную выдачу духовенству – оно не будет анафематствовать его. А если Совет, отделив Церковь от государства, переведет на казенное жалование все духовенство – оно будет величать его "благочестивейшим" и славословить на все колокола»⁶. И к сожалению, в этих словах было немало правды.

Теперь открытых гонений вроде бы нет. Но соблазнов стало неизмеримо больше. И дело не только в личных самолетах, дорогих авто или счетах в банках. Искреннее желание восстановить храм, построить воскресную школу, возродить монастырь требует сотрудничества с властями и проявления лояльности, хотя бы на словах. И осуждение православного сталинизма для этого подходит как нельзя более кстати.

---

⁶ Данилов С. Отделение Церкви от государства // Известия. 1918, 24 (11) февр. № 33 (297). Воскресенье. С. 1.